

♊

Стати и Элен Твенти

♋

НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ
В МОЕГО ВРАГА

18+

Стаси и Элен Твенти

Не влюбляйся в моего врага

«Автор»

2026

Твенти С.

Не влюбляйся в моего врага / С. Твенти — «Автор», 2026

Чужое лицо, чужое имя, чужая вражда. Настоящая Аврелия Морвейн заплатила мне за год жизни в Академии Этерниса. Для нее это способ раскрыть темную тайну гибели подруги, для меня — единственный шанс оплатить лекаря для умирающей сестры. Я выучила правила, надела шелка и приготовилась быть невыносимой стервой. Но я не учла одного: человека, который станет моим наставником. Гариет Карион, давний и заклятый враг настоящей Аврелии, презирует меня. И теперь мы вынуждены жить в одном доме. Он обещает превратить мою учебу в ад, а я молюсь, чтобы этот опасный, проникательный маг не заметил, как дрожат мои руки. Ведь если магический кулон погаснет, моя настоящая жизнь будет окончена. В тексте есть: #- академия магии #- тайны и расследование #- сложные отношения #- от ненависти до любви #- подмена личности

© Твенти С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое имя	5
Глава 2. Карион	8
Глава 3. Приличия	10
Глава 4. Знак Девы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Стаси и Элен Твенти

Не влюбляйся в моего врага

Глава 1. Чужое имя

Карета качнулась и встала. Я прижала ладонь к груди, где под воротником прятался изумрудный кулон, и заставила себя разжать пальцы.

Всю дорогу от Этерниса я готовилась не удивляться. Мать двадцать лет стряпала в богатом доме, я выросла среди чужого серебра и знала, чем пахнут деньги — воском, кофе, крахмальным бельем. Так я себе твердила, сидя на бархатном сиденье и не решаясь откинуться на спинку, чтобы не измять юбку. А потом возница откинул подножку, подал руку в белой перчатке, и я вышла на мощеный двор. И задрала голову.

Академия стояла на холме над излучиной реки, и охватить ее одним взглядом не выходило. Светлый камень, отмытый ночным дождем, отдавал розовым в раннем солнце. По кругу поднимались двенадцать башен, каждая под своим цветом: медь, синева, зеленое стекло, ловившее свет так, что резало глаза. Между ними висели крытые галереи, увитые чем-то живым и цветущим не по осенней поре. Внизу дорожки были выложены плиткой с прожилками, будто срезы камня, и по ним, не глядя под ноги, шли люди в плащах, каждый из которых стоил дороже всего, что я нашла за свою жизнь.

Я стояла с приоткрытым ртом, пока не спохватилась и не закрыла его. Ветер трепал тяжелый шелковый подол — за одну вышивку по краю в мастерской я запросила бы месячную плату. Теперь эта юбка была моей.

— Госпожа Морвейн?

Я вздрогнула, серьги качнулись и кольнули шею холодком драгоценных камней.

У ворот, между двух столбов с вырезанными в камне знаками Зодиака, стоял человек в темной форме с серебряным шитьем. Он держал раскрытую книгу в кожаном переплете и смотрел на меня спокойно, тем взглядом, каким смотрят на тех, кому положено кланяться.

— Да, — выговорила я. Голос сел, и я откашлялась. — Да, это я.

— Ваши бумаги, госпожа.

Я полезла в расшитую бисером сумочку, крохотную снаружи и бездонную внутри. Рука привычно ждала наткнуться на дно, но пальцы ушли глубже локтя и вытащили свернутые документы. К такому я не привыкла до сих пор и всякий раз внутренне готовилась, что фокус вдруг перестанет работать.

Человек развернул бумаги и повел пальцем по строчкам.

— Аврелия Морвейн, — прочитал он. — Дом земли, знак Девы. Поместье у Золотых Озер.

Каждое слово он произносил медленно. Я кивала. И с каждым кивком яснее чувствовала кулон — теплую точку под ключицей, от которой по коже расходилось слабое покалывание. Пальцы сами потянулись прижать его ближе через ткань. Казалось, стоило человеку всмотреться пристальнее, задержать взгляд выше моего подбородка — и сквозь наведенные черты проступило бы собственное лицо, узкое, с россыпью веснушек на скулах.

Он не всмотрелся. Свернул бумаги, вернул, коротко склонил голову.

— Добро пожаловать в Столичную Академию Этерниса. Вас проводят.

Он кивнул куда-то мне за спину. Я обернулась.

Молодая женщина стояла так близко и так тихо, что шагов ее я не слышала. Невысокая, в сером платье с белым воротничком, гладко причесанная, руки сложены у пояса. Я бы ей и

тридцати лет не дала. На таком лице взгляд не задерживается: ровное, круглое, с опущенными уголками рта.

Я узнала ее раньше, чем она заговорила. Сначала екнуло под ребрами, потом всплыло: ее лицо мне показывали среди тех, кто знает Аврелию Морвейн близко и заметит любой промах.

«С этой держись ровно и говори поменьше».

Ровно я держалась настолько, насколько это выходит у швеи в чужом шелке. Пальцы снова нашли кулон.

— Тея, — только и выдавила из себя я.

— Госпожа Морвейн. — Женщина склонила голову ниже, чем страж у ворот. — Как вы и поручили, я подготовила дом к вашему приезду. Я вас провожу, это на дальнем краю, у платановой аллеи.

Говорила она без нажима, глаз выше моего подбородка не поднимала. Я сглотнула и пошла за ней, стараясь ступать так, будто исходила эти дорожки сто раз.

Под сводами галерей пахло нагретым камнем и травой. Я вертела головой, хоть и запрещала себе, — уж очень много всего было, чтобы не смотреть. Мимо прошли двое в легких плащах с медной каймой, под цвет одной из башен; они скользнули взглядом по вышивке на моей юбке, по муфте у меня в руках, и один чуть наклонил голову, приветствуя. Меня! Я запоздало кивнула в ответ и едва не споткнулась о край плиты.

Навстречу попался слуга с корзиной белья, и я по привычке качнулась в сторону, освобождая ему дорогу, потянулась было подхватить сползающий край простыни. Тея бросила на меня короткий взгляд, и я застыла с протянутой рукой. Слуга уже прижимался к стене, пропуская нас. Я убрала руку и пошла дальше, глядя прямо перед собой. Щеки горели.

— В этом году вам выделили другой дом, — сказала Тея, когда мы свернули с общей дорожки в тень платанов. — И другого куратора. Он уже ждет вас.

Само слово «куратор» отзывалось холодком под ложечкой. Человек, с которым мы будем жить под одной крышей. Человек, который будет следить за моей жизнью не только в стенах аудиторий, но и за их пределами.

Кто он? Сможем ли мы поладить? Не помешает ли он моему делу?

Я перебирала в памяти наставления, и с каждым шагом по устланной листьями аллее сомнений в успехе всей этой затеи становилось все больше.

Дом стоял в окружении пышных деревьев, одноэтажный, из светлого камня, с высокими окнами и низкой террасой. У крыльца Тея остановилась и отступила в сторону.

— Прошу, госпожа, — она снова склонила голову. — Если позволите, я позабочусь о вашем багаже.

Мне хотелось поблагодарить ее, но я вовремя прикусила язык: госпожа Морвейн служанок не благодарит. Я кивнула, как кивали мне у ворот, коротко, слегка прищурившись. Тея приняла кивок как должное и пошла обратно по аллее, бесшумно, как и появилась.

Я осталась одна перед дверью.

Ладонь опять легла на кулон. Под пальцами он был теплым, живым, и мне на миг почудилось, что он стал еще горячее. Я велела себе не думать, что случится, если этот теплый камешек однажды остынет посреди чужих людей. Толкнула дверь.

Внутри пахло деревом, книгами и дымком остывшего очага. Свет из высоких окон лежал полосами на дощатом полу. В глубине комнаты, у книжного стеллажа, стоял человек и смотрел, как я вхожу.

Молодой. Высокий, в темной форме куратора без единой лишней складки. Волосы черные, чуть длиннее, чем носят при дворе, падали на лоб. Он поднял голову, и я встретила его глаза — зеленые, пронизательные, из тех, что замечают больше, чем нужно.

Дыхание перехватило, и пальцы стиснули кулон так, что край врезался в кожу.

Я узнала его.

Гарнет.
Твою мать!

Глава 2. Карион

Он скривился, будто в комнату занесло что-то несвежее.

— Ты?

Одно слово, брошенное так коротко и с таким лицом, что стало ясно: моего появления он ждал меньше всего на свете.

Я вздернула подбородок и натянула то выражение, которое репетировала всю дорогу, — скучающее превосходство Аврелии Морвейн. Внутри у меня все обмерло. Сердце колотилось где-то в горле, и я вцепилась пальцами в кулон, лишь бы руки не выдали дрожь.

— А ты ждал кого-то другого? — голос вышел ровным, и это меня саму удивило.

Он усмехнулся одним углом рта, шагнул от стеллажа. Вблизи он оказался еще выше, и зеленые глаза смотрели тяжело, не мигая.

— Я не думал, что тебе хватит духу вернуться сюда после всего, что произошло.

Он говорил про тот самый случай? Или о чем-то другом? Аврелия не рассказала мне и половины того, что связывало ее с этим человеком. Я держала лицо и молчала ровно столько, чтобы молчание сошло за высокомерие и не выдало растерянности.

— Мое возвращение тебя не касается, Карион, — я обвела рукой комнату, стараясь, чтобы жест вышел ленивым. — Твое дело — учить меня. Прошное оставь при себе.

Что-то дрогнуло в его лице. Он смерил меня взглядом с ног до головы, задержался на изумруде у горла — на один короткий миг, но я успела похолодеть. Потом кивнул на дверь в глубине.

— Твоя комната там. Устраивайся и не шуми.

Я двинулась мимо, держа спину прямой. Уже у самой двери его пальцы вдруг сомкнулись на моем запястье. Он наклонился, и голос упал почти до шепота, обжигая мне ухо:

— Я попрошу, чтобы мне дали другую подопечную. А до тех пор постарайся не попадаться мне на глаза.

Я подняла на него глаза и криво усмехнулась.

— Катись в бездну, Карион.

Я выдернула руку и, не оглядываясь, ушла за указанную дверь. Прикрыла ее за собой и наконец выдохнула.

Комната была небольшой: кровать под белым покрывалом, стол у окна, пустой шкаф, запахнутый в ожидании чужих нарядов. Чисто, светло, чуждо. Я дошла до кровати, но садиться не стала — опустилась прямо на пол у ее края, подтянула колени и вжала ладони в лицо. Под пальцами было гладко. Ни одной веснушки, ни шрама на брови от давнего падения с яблони. Чужая кожа, натянутая поверх моей.

Как я вообще здесь оказалась?

Две недели назад я и помыслить не могла, что переступлю ворота столичной Академии. Я гнула спину над чужими юбками в мастерской за медяки, а по вечерам бежала домой, где под грудой тряпья горела в жару младшая сестренка.

Лекарь приходил один раз. Пощупал лоб, послушал сиплое дыхание, покачал головой и назвал цену, от которой у матери подкосились ноги. Столько нам было не собрать и за год. Мать стряпала в богатом доме от рассвета до ночи, я шила, пока не начинали слезиться глаза, — а Лире день ото дня делалось только хуже.

А потом в нашу каморку вошла Аврелия Морвейн.

Дочь господина из того самого дома, где служила мать. Шелк ее платья мазал по шерба-тому полу, каблучки брезгливо обходили лужу у порога. Она обвела взглядом закопченный потолок, лежанку, где металась в жару сестренка, и лицо ее осталось ровным — ни капли сочувствия.

«Я слышала, у тебя мой знак, — сказала она без всякого вступления. — Дева».

Она достала из крохотной сумочки изумрудный кулон на цепочке, и камень словил свет.

«Я предлагаю тебе сделку. Ты поедешь в Академию под моим именем. Проучишься год, выучишь азы магии — тебе же на пользу. А я буду платить каждый месяц. Хватит и на лекаря твоей сестре, и еще отложишь».

Я стояла посреди своей нищей комнатенки, смотрела на этот кулон и хотела сказать, что мне это не нужно. Порядочные люди не влезают в чужую шкуру. А потом сестренка закашлялась за спиной — глухо, надсадно, — и внутри у меня все перевернулось.

Кулон лег на грудь, по коже прошло тепло. Чужие черты опустились на мое лицо и приросли намертво. Аврелия оглядела меня придирчиво, поправила мне волосы и вложила в руки бумаги на имя Аврелии Морвейн. Заставила заучить чужую жизнь наизусть: имена родни, названия поместий, привычки, вкусы. Перебрала передо мной портреты тех, кого мне предстояло узнавать в лицо. На одном задержалась дольше остальных.

Темноволосый молодой мужчина с тяжелым взглядом. Голос Аврелии при виде него сел.

«Гариет Карион. Мой давний... знакомый. От него держись как можно дальше. Не заговаривай первой, не лови его взгляд. Если все же столкнешься — не щади. Мы с ним не ладим, поэтому можешь оскорблять его хоть через слово. Главное, чтобы он не заподозрил подмену. Он единственный здесь, кто способен все разрушить».

И, помолчав, тише, будто через силу, добавила: последи за ним. Запоминай, с кем он видится, куда ходит. У нее, мол, остались вопросы. Какие — Аврелия не сказала. Обронила только, что в прошлом году в Академии погибла ее подруга Мерлин и что-то в этой смерти не дает ей покоя.

«Тебе ничего не грозит, — прибавила она быстро, слишком быстро. — Но ты должна быть начеку. Ты должна забраться в самый темный угол и узнать, что с ней произошло».

Хотелось возразить, что я простая швея, а не сыщик, но лекарь ждал денег, и я смиренно кивнула.

О том, что стояло между ней и Карионом, Аврелия не обмолвилась. Я знала лишь то, что знали все: две знатные семьи, годы общих приемов, детство под одними сводами. Их вражда тянулась откуда-то издалека и засела глубоко, застарелая, как трещина в фундаменте старого дома. Причин мне не открыли. Я и не спрашивала.

А теперь этот самый Карион, которого мне велено было обходить стороной, сидел в десяти шагах отсюда, за тонкой стеной. Мой куратор. До конца года нам делить одну крышу, один очаг, одни стены — если он раньше не поймет, кто прячется под лицом его старого врага.

Я отняла ладони от лица и посмотрела на свои руки: чужие холеные ногти, гладкая кожа без единой мозоли. Руки, которые будто никогда не держали иглы.

Отступать было поздно и некуда. Там, дома, кашляла сестренка, и каждый месяц этого обмана оплачивал ей лекаря. Я поднялась с пола, отряхнула юбку и заставила себя дышать ровно. Год. Один только год я продержу это лицо — и верну свое.

Что-то глухо стукнуло за окном.

Я вскинула голову. Звук шел снаружи, будто кто-то стоял там все это время и наблюдал. Я подобралась, тихо подошла к окну и отвела край занавески.

Во дворе стояли сумерки. Пусто. Только у дальних кустов качнулась ветка, и за ней мелькнул и пропал край темного плаща.

Похоже, за мной следили. Неужели я уже успела привлечь чье-то внимание? Или врагов у госпожи было намного больше, чем я думала?

Глава 3. Приличия

Разбудил меня грохот. Кто-то молотил в дверь так, что дрожали петли.

Я подскочила на кровати, еще не понимая, где нахожусь. Чужой потолок, чужие стены, стылый утренний свет в окне — а кулак снаружи все бил и бил. Спросонья мне почудилось, что дом горит. Я метнулась к двери, как была, и распахнула ее.

На пороге стоял Карион. Он занес руку для нового удара и медленно опустил, оглядывая меня.

— Ты с ума сошел? — выпалила я.

Его взгляд неспешно скользнул сверху вниз. Только тут я вспомнила, в чем стою перед ним: тонкая кружевная сорочка из приданого Аврелии открывала куда больше, чем нужно. Кровь бросилась мне в лицо. В переполохе я и не подумала накинуть халат.

— Смотрю, ты совсем забыла о приличиях, — он усмехнулся, задержав взгляд там, где кружево ничего не скрывало.

Я скрестила руки на груди и вздернула подбородок.

— Тебе-то что за печаль до моих приличий. Зачем ты покушался на мою дверь в такую рань?

— Затем, что через час начинаются занятия. Проспишь — останешься без завтрака. — Он пожал плечами и отвернулся, бросив через плечо: — Хотя тебе, я смотрю, привычнее вставать к обеду.

Я закатила глаза и захлопнула дверь у него перед носом. Привалилась к ней спиной, все еще пунцовая, и выдохнула сквозь зубы. С каждой минутой в обществе Гариета Кариона мне становилось яснее, за что его невзлюбила Аврелия. Наглец, каких поискать!

Умываться пришлось холодной водой из кувшина — очаг с вечера прогорел, и в комнате держался стылый воздух. Я плеснула в лицо, стерла остатки сна и полезла в шкаф, набитый чужими нарядами.

Со шнуровкой на спине незнакомого платья я провозилась долго. Руки выворачивались, тесемки не слушались, и я как раз зажала одну зубами, когда в дверь снова постучали — на этот раз тихо, костяшкой пальца.

— Войдите, — выговорила я сквозь тесемку, обрадовавшись передышке.

Вошла Тея. При виде меня — полуодетой, с завязками в зубах и локтями, заломленными за спину, — она застыла и всплеснула руками.

— Госпожа! Отчего же вы меня не позвали? — Она бросилась ко мне, отобрала шнуровку и принялась ловко затягивать. — Я ведь для того и приставлена. Когда вы вообще одевались сами?

Я прикусила язык. Настоящая Аврелия за всю жизнь, поди, не затянула ни одного шнурка, а у меня руки все делали сами, по двадцатилетней привычке.

— Задумалась, — соврала я. — Не заметила, как начала.

Тея покачала головой, но выспрашивать не стала. Пальцы ее быстро прошли по крючкам и лентам, оправили складки, подобрали мне волосы. Из зеркала смотрела молодая светловолосая госпожа в платье цвета палой листвы — с лицом, которое я все еще не научилась звать своим. Я отвела глаза.

Трапезной оказалась дальняя комната с арочными окнами, выходящими на сад. Карион уже сидел там, закинув ногу на ногу, с чашкой в руке, переодетый в свежую форму, — с видом человека, который поднялся до рассвета и всем на свете доволен.

— А вот и госпожа Морвейн, — протянул он, не вставая. — Все-таки успела. Я почти впечатлен.

Я села напротив, как можно дальше, и потянулась за хлебом.

— Не дожدهшься, чтобы я осталась голодной тебе в угоду.

— В угоду? — он приподнял бровь. — Я колотил в твою дверь из чистого человеколюбия. Мог бы дать тебе проспать и полюбоваться, как ты являешься на первое занятие с недовольным лицом от того, что не успела съесть ванильный эклер на завтрак.

— Какая трогательная забота. Записать тебя в святые заступники?

Он фыркнул в чашку. Мы ели молча, и я почти поверила, что перемирие продержится до конца завтрака.

— Странно, — сказал он вдруг, разглядывая меня поверх края чашки. — Год назад ты бы уже запустила в меня чем-нибудь тяжелым. А нынче всего лишь огрызаешься. Смирение тебе к лицу, Морвейн. С чего бы?

Внутри у меня екнуло. Настоящая Аврелия — та бы запустила. Я торопливо свела брови и подпустила в голос яда:

— Просто не хочу марать фарфор о твою голову.

— Вот это ближе к правде. — Он усмехнулся, довольный собой, и откинулся на спинку стула.

Я намазала хлеб маслом, старательно глядя в тарелку. Молчание затягивалось, и в нем было что-то темное и опасное, от чего хотелось встать и уйти. Я подняла глаза — и наткнулась на его взгляд. Он смотрел на меня чуть дольше, чем позволяет простая неприязнь.

— И все же, — обронил он лениво, — не ждал, что ты встретишь меня утром в таком виде. — Уголок его рта дрогнул. — А я-то было решил, ты нарочно открыла дверь в одной сорочке. Признайся, захотела напомнить мне о той ночи?

Кусок хлеба застыл у меня в пальцах.

Щеки вспыхнули так, что жаром обдало уши. Он сказал это буднично, будто о погоде, и в самой этой будничности было что-то, от чего у меня свело живот.

Значит, вражда — не единственное, что связывало Аврелию с Гариетом Карионом.

Я не знала, что произошло между ними. Но, глядя на то, как губы Гариета искривились в похотливой ухмылке, вдруг с ужасом поняла, что боюсь узнать.

Глава 4. Знак Девы

До учебного корпуса от нашего домика вела платановая аллея, и всю дорогу я перебирала то немногое, что умела.

Магия проснулась во мне в девять лет. Ночью я увидела в черном окне россыпь звезд, сложившихся в знак Девы, — так приходит Звездное Откликание, первая встреча со своим Созвездным Потокком. Наутро я заставила горсть земли в горшке свернуться в комок и снова осыпаться.

Дар — нечастая удача. На все королевство сильных магов наберется меньше горстки на сотню душ, и родиться такой может хоть в замке, хоть в нашем подвале, как придется. Знак Зодиака решал, какая магия тебе досталась. Дева относил меня к дому земли: власть над камнем и почвой да еще зеркальное зрение — умение смотреть сквозь стекло, воду и гладкий металл. Так объясняли те немногие, кто вообще снисходил растолковать что-то нищей девчонке.

Только знать — половина дела. Дар без учения остается слабым и капризным, как заглушенный росток. Магии учат в академиях, а туда бедняков даром не берут: за науку платят золотом, которого у нас отродясь не водилось. Оттого все мое колдовство и свелось к грошовым фокусам: свернуть землю комком, нащупать свое отражение в лохани с водой посреди темных сеней, угадать по камню, где под ним пустота. Забава для ярмарки.

А теперь залы, где всему этому учат, распахнулись передо мной. Пусть под чужим именем и на один-единственный год — я собиралась выжать из него все. Магам в Астреллоре кланяются, их зовут и к постели больного, и к столу переговоров, платят так, что достанет и на лекаря, и на свой угол. Даже недоучке. Выучу азы — и дома, вернувшись собой, отыщу работу, о какой швея и мечтать не смеет.

За этими мыслями я и не заметила, как дошла.

В корпусе было людно. Студенты стекались к дверям аудиторий, гудели, смеялись, и я шла в этой толчее, стараясь держаться так, будто здесь мне все знакомо.

У поворота на лестницу я поймала на себе взгляд — тяжелый, неотступный. У стены, сунув руки в карманы, стоял парень и смотрел на меня в упор. Темные брови сведены, челюсть сжата. Он не опустил глаз, даже когда я встретила его взгляд.

Его я тоже узнала. Аврелия показывала мне и этот портрет. Джек. Тот, что сох по Мерлин и ничего не добился, — так она сказала тогда, поджав губы. Влюбленный до одури и отвергнутый.

Сейчас он смотрел на меня так, словно я осталась ему что-то должна. Или видел во мне ту, чье лицо я носила. Аврелию он ненавидел? Винил в чем-то? Я равнодушно скользнула по нему взглядом и прошла мимо, но еще долго чувствовала этот взгляд спиной.

Надо к нему приглядеться, решила я. Отвергнутый воздыхатель, что провожает такими глазами подругу погибшей, — мимо такого пройти нельзя.

Аудитория поднималась полукругом, ряд над рядом, к высокому окну. Я устроилась с краю, подальше от чужих локтей, достала бумагу и грифель, как все вокруг.

Занятие оказалось вводным. Немолодая женщина в темной мантии магистра прошла вдоль первого ряда и заговорила — о башнях, о расписании, о том, как устроено обучение. Дом земли и дом огня она отсылала в мастерские артефакторов, дом воды и воздуха — к алхимикам. О резерве сказала просто: он у мага как дыхание в беге, тратится и возвращается, а чем чаще его гоняешь, тем дольше выдержишь.

Многое из этого я уже знала от госпожи, и мысли мои потекли своим чередом, пока магистр не подняла голос:

— И последнее. Тем из вас, кому назначен куратор, выпала особая удача. Кураторами у нас остаются выпускники, что проходят в Академии стажировку. Они обязаны ответить на любой ваш вопрос и, если понадобится, заниматься с вами отдельно, сверх общих часов. Не стесняйтесь их тревожить. Для того они и приставлены.

Я едва не фыркнула вслух. Мой куратор скорее откажется от стажировки, чем сядет со мной над книгами сверх положенного. Утром он мечтал сплавить меня кому угодно — а теперь, выходит, обязан водить меня за руку по премудростям Девы. Я представила лицо Кариона при словах «дополнительные занятия» и улыбнулась в кулак.

Словно подслушав, дверь аудитории отворилась.

Вошел Карион. По рядам пробежал шепот; на него смотрели, кто с любопытством, кто с опаской, кто с восхищением. Меня он отыскал взглядом сразу, будто заранее знал, где я сижу, и коротко проговорил, обращаясь к магистру:

— Прошу прощения. Госпожу Морвейн вызывают к ректору.

Магистр кивнула. По залу прокатился новый шумок, и все головы повернулись ко мне.

Я поднялась, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. К ректору — в первый же день. Я не успела ни оступиться, ни ляпнуть лишнего. За что зовут на ковер к первому человеку Академии?

Пальцы сами нашли под воротником изумруд. Он был теплым и держал мое лицо — пока держал.

Я спустилась к дверям. По лицу Кариона нельзя было прочесть ничего. Он придержал передо мной створку и, когда я поравнялась с ним, обронил тихо, одними губами:

— Успела что-то натворить в первый же день? Рекорд даже для тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.